Глава 1

Расположившись на зеленом плюшевом сиденье, Хейзел Моутс подался вперед. С минуту он глядел в окно, словно желая выпрыгнуть из поезда, а после обратил взор в проход, в другой конец вагона. Время от времени лес, через который ехал состав, расступался, и становилось видно солнце. Ярко-красное, оно висело в небе над самыми верхушками деревьев вдали. Чуть ближе изгибались, уходя в сторону, вспаханные поля, где рылись в земле кабаны, похожие на пятнистые камни.

Сидевшая напротив Хейза миссис Уолли Би Хичкок заметила, что ранний вечер — вот как сейчас — самое замечательное время дня. Затем эта пухлая коротконогая женщина в платье с розовыми оборками спросила, не согласен ли с ней Хейз.

Глянув на нее, попутчик вновь уставился в проход. Женщина проследила за его взглядом, но заметила лишь ребенка в соседнем купе и проводника, открывавшего шкаф с ширмами.

— Полагаю, вы едете домой? — спросила женщина у Хейза.

Она присмотрелась к попутчику: на вид и двадцати лет не дашь, однако держит на коленях жесткую широкополую шляпу, уместную для пожилого деревенского пастора; костюм ярко-синего цвета, и на рукаве все еще сохранился ярлычок с ценой.

Молодой человек и в этот раз не ответил, продолжая смотреть в одну точку. У его ног лежал армейский вещмешок, и по нему женщина заключила: юноша возвращается домой с военной службы. Вот бы увидеть ценник, узнать, во сколько обошелся костюм… Неожиданно для себя она поняла, что пытается не разглядеть ярлычок, а заглянуть попутчику в глаза — карие, глубоко посаженные. Кожа плотно обтягивала череп, и это притягивало внимание.

Ощутив некоторое раздражение, женщина перевела взгляд на ярлык с ценой. Костюм стоил одиннадцать долларов и девяносто восемь центов. Удовлетворенная, миссис Хичкок успокоилась, вновь посмотрела на лицо молодого человека: нос — как клюв сорокопута, от уголков рта тянутся длинные складки, волосы как будто слежались от постоянного ношения шляпы. Однако больше остального внимание приковали к себе глаза. Они были посажены столь глубоко, что казались уходящими во тьму тоннелями. Миссис Хичкок подалась вперед, желая заглянуть в них. Внезапно молодой человек развернулся к окну и почти так же неожиданно перевел взгляд обратно, на проход. А смотрел он на проводника.

Когда Хейз только сел в поезд, проводник — плотный мужчина с крупной желтоватой лысиной — стоял меж двух вагонов. Хейз остановился, и проводник взглядом указал ему на место в вагоне, куда следовало сесть. Хейз не шевельнулся, и негр раздраженно пояснил:

— Налево, налево.

Лишь тогда Хейз послушно проследовал в указанном направлении.

— М-да, — произнесла миссис Хичкок, — в гостях хорошо, а дома лучше.

Хейз посмотрел на плоское румяное лицо под шапкой рыжих волос. Женщина села в поезд две станции назад. Хейз ее прежде ни разу не встречал.

— Мне надо поговорить с проводником, — сказал он, встал и направился по проходу к проводнику, который в это время начал готовить спальные места. Остановившись рядом, молодой человек облокотился на ручку сиденья.

Проводник, не обращая на него внимания, продолжал расправлять ширму.

— Долго ты готовишь одно купе?

— Семь минут, — не глядя на Хейза, ответил негр.

Присев на подлокотник, Хейз сказал:

— Я из Истрода.

— Ошиблись поездом. Вам на другую линию надо.

— Еду в город. Я лишь имел в виду, что родился в Истроде.

Проводник не ответил.

— Истрод, — громче повторил Хейз.

Задернув ширму, проводник произнес:

— Спальное место приготовить? Или что вам еще надо?

— Истрод, это рядом с Мелси.

Проводник опустил спальную полку с одной стороны.

— Я из Чикаго. — Опустив вторую полку, он нагнулся, и на шее у него проступили три мясистые складки.

— Ну да, заметно, — насмешливо ответил Хейз.

— Вы ноги в проход выставили. Кто-нибудь о них споткнется, — заметил проводник, резко разворачиваясь и проходя мимо.

Подскочив, Хейз выгнулся, будто подвешенный к потолку за веревочку.

Проводник двинулся в другой конец вагона, прекрасно удерживая на ходу равновесие. Хейз узнал его — чернокожего по имени Паррум, из Истрода. Вернувшись к себе на место, Хейз ссутулился и поставил одну ногу на трубу, проходящую вдоль стенки, под окном. Разум его наполнился воспоминаниями об Истроде, постепенно перекинувшимися на внешний мир, заполнившими пространство вокруг поезда и дальше, над пустыми, погружающимися в сумерки полями. Хейз заметил два дома, и дорогу цвета ржавчины, и негритянские лачужки, и сарай, и стойло, на стене которого трепетал клочок красно-белого плаката с рекламой банковских услуг.

— Так вы домой едете? — спросила миссис Хичкок.

Кисло взглянув на нее, Хейз стиснул в пальцах поля шляпы.

— Нет, не домой, — ответил он с резким гнусавым теннессийским акцентом.

Миссис Хичкок поведала, дескать, и она — не домой. А еще — что она до замужества носила фамилию Уэзермэн и что сейчас направляется во Флориду к замужней дочери Саре Люсиль. И что прежде на столь длинную поездку времени никак не хватало: слишком быстро происходят события, сменяя друг друга, и жизнь летит с такой скоростью… Не поймешь, молод ты или стар.

Спроси миссис Хичкок — и Хейз ответил бы: да, мол, она старая. Через некоторое время юноша попросту перестал ее слушать. В проходе вновь появился проводник — прошел мимо и даже не взглянул на Хейза.

Миссис Хичкок успела забыть, о чем говорила.

— Похоже, вы и сами к кому-то в гости едете?

— Мне надо в Толкингем, — сказал Хейз, ерзая на сиденье и отворачиваясь к окну. — Никого там не знаю, но хочу провернуть одно дельце. Никогда прежде такого не делал.

Искоса глянув на миссис Хичкок, Хейз криво улыбнулся.

Миссис Хичкок сказала, что знает в Толкингеме некоего Альберта Спаркса, зятя ее свояченицы, который…

— Толкингем — не мой дом, — перебил ее Хейз. — Я просто еду туда, вот и все.

Миссис Хичкок заговорила было снова, и Хейз опять перебил ее:

— Вон тот проводник — мой земляк. Хотя говорит, что родился в Чикаго.

Миссис Хичкок заявила, будто бы знает одного человека из Чи…

— Смотрю, вам все равно, куда ехать.

Миссис Хичкок заметила, что время взаправду летит неуловимо. Она пять лет не видела племянников и вряд ли признает их, увидев сейчас. Всего племянников, детей сестры, у нее трое: Рой, Буббер и Джон Уэсли. Джону Уэсли шесть лет, и он написал письмо «дорогой отушке». «Отушка», так ее, тетушку, зовут племянники; ее муж для них — ядушка (то есть дядюшка).

— Думаете, вы спасены? — спросил Хейз.

Миссис Хичкок поправила воротничок.

— Думаете, вы спасены? — переспросил Хейз.

Зардевшись, миссис Хичкок помедлила, ответив после, дескать, да, она так считает и жизнь для нее — дар Божий. Потом поинтересовалась, не голоден ли Хейз и не составит ли он ей компанию в вагоне-ресторане.

Нацепив черную-пречерную шляпу, Хейз поднялся и последовал за миссис Хичкок.

В переполненный вагон-ресторан выстроилась порядочная очередь. Хейз и миссис Хичкок прождали своего времени полчаса, раскачиваясь в проходе и ежеминутно вжимаясь в стенки, дабы пропустить живой поток. Миссис Хичкок нашла собеседницу, тогда как Хейзел Моутс молча смотрел перед собой. Миссис Хичкок рассказывала о том, как ее зять работает в Управлении городского водопровода, а женщина в ответ — о кузене, умирающем от рака гортани.

Наконец очередь подошла настолько близко к входу в ресторан, что стало видно, как внутри официант рассаживает пассажиров за столики и раздает им меню. То был белый мужчина с набриолиненными черными волосами — под стать лоснящемуся черному костюму. Похожий на ворона, официант метался от столика к столику; когда он пригласил войти еще двоих, Хейз и миссис Хичкок с собеседницей придвинулись к самому входу. Наконец двое или трое человек вышли, освободив места, и миссис Хичкок с собеседницей прошли в ресторан. Хейз — за ними.

— Только двое, — оттолкнул его официант.

Хейз побагровел. Развернувшись, он протиснулся мимо мужчины, стоявшего за ним в очереди, и направился было обратно в свой вагон, однако в проходе столпилось слишком много народу. Никто не хотел уступать. Наконец из-за самого дальнего столика поднялась женщина, и официант махнул рукой, приглашая на ее место следующего. Хейз втиснулся в проход между столиками, по пути умудрившись упасть на два из них и обмакнуть руку в чей-то кофе. Официант усадил Хейза за столик с тремя молоденькими девицами, разодетыми в пух и прах.

Руки с острыми красными ноготками они держали на столе. Не снимая шляпы, Хейз сел и вытер руку о скатерть. Девицы закончили трапезу и теперь, болтая, курили.

Когда пришел Хейз, они умолкли. Официант стоял над душой, и Хейз ткнул пальцем в первое же блюдо в меню.

— Выпиши название, сынок, — сказал официант и подмигнул одной из девиц — та слегка хрюкнула.

Выписав название блюда, Хейз отдал меню официанту, и тот ушел.

Хейз мрачно и напряженно уставился на шею девицы напротив. Через равные промежутки времени точку, в которую смотрел Хейз, перекрывала рука с сигаретой: она шла вверх, затем вниз, пропадала из виду, ложась на стол, а через секунду в лицо Хейзу била струя табачного дыма. Спустя три или четыре затяжки Хейз посмотрел девице в лицо — наглое, как у бойцового петушка, в маленькие глазки, нацеленные прямо на него.

— Если вы спасены, — произнес Хейз, — то мне такого спасения даром не надо.

Он отвернулся и посмотрел в окно — на свое бледное, полупрозрачное отражение, сквозь которое проступал вечерний пейзаж. Мимо, разрезая воздух, пронесся товарный состав, и одна из девиц захохотала.

— По-вашему, я верю в Иисуса? — наклонившись к ней, спросил Хейз еле слышно, как будто воздуха в легких совсем не осталось. — Я не уверовал бы в него, живи он на самом деле. Путешествуй он с нами в одном вагоне — и то не уверовал бы.

— Да кому нужна ваша вера? — спросила в ответ девица с ядовитым восточным выговором.

Хейз подался назад.

Официант принес ужин, и Хейз принялся за еду — поначалу неспешно, но постепенно набирая темп, а девицы смотрели, как ходят у него на скулах желваки. Заказал Хейз нечто с яйцами и печенкой; доев это блюдо и выпив кофе,

он вынул из кармана деньги. Заметив наличность, официант, однако, не поспешил принести счет. Каждый раз, проходя мимо, он подмигивал девицам и косился на Хейза. Миссис Хичкок с собеседницей давно уже поели и покинули вагон-ресторан. Когда наконец принесли счет, Хейз грубо сунул деньги официанту и протиснулся мимо него к выходу.

Задержавшись в тамбуре, где был какой-никакой свежий воздух, Хейз свернул себе самокрутку. Заметив проводника, он крикнул:

— Эй ты, Паррум!

Негр не остановился.

Хейз проследовал за ним. Все спальные места в вагоне уже были готовы. Билетер на вокзале продал Хейзу место в купе, сказав, что иначе придется ехать сидя всю ночь. Хейзу досталась верхняя полка. Стянув с нее вещевой мешок, он отправился в уборную и там переоделся. Сытый Хейз спешил принять лежачее положение — лечь и смотреть в окно, как мимо проносится ночной сельский пейзаж.

Знак в купе сообщал, что проводник должен помочь пассажиру забраться на полку. Закинув мешок наверх, Хейз выглянул в коридор в поисках негра. Не заметив его в одном конце вагона, Хейз пошел искать в другом. Свернув за угол, он наткнулся на нечто розовое и плотное — ахнув, оно пробубнило:

— Осторожнее!

Это была миссис Хичкок в розовом пеньюаре с волосами, убранными в узелки, которые обрамляли голову на манер темных жабьих камней.

Женщина посмотрела на Хейза с сильным прищуром и попыталась протиснуться мимо, а Хейз — пропустить

ее, однако оба одновременно перемещались то влево, то вправо. Лицо миссис Хичкок налилось пурпурной краской (за исключением нескольких бледных пятнышек на лбу). Она встала и, подбоченившись, спросила:

— Что это с вами?

Улучив момент, Хейз прошмыгнул мимо нее и побежал дальше по коридору. Налетел на проводника и сбил его с ног.

— Идем, поможешь мне залезть на койку, Паррум.

Встав на ноги, шатаясь, проводник удалился по коридору и через некоторое время вернулся — с каменным лицом, неся лестницу. Хейз подождал, пока негр приставит ее к полке, затем стал взбираться к себе. На полпути он обернулся и произнес:

— Я помню тебя. Твой отец — ниггер по имени Кэш Паррум. Но домой ты не вернешься, да и никто не вернулся бы, даже если бы захотел.

— Я из Чикаго, — раздраженно ответил проводник. — И зовут меня не Паррум.

— Кэш помер. Подцепил холеру от свиньи…

Дернув нижней губой, проводник произнес:

— Мой отец — железнодорожник.

Хейз рассмеялся, а негр выдернул из-под него лестницу. Хейз чуть не грохнулся на пол. Некоторое время он пролежал на животе, цепляясь за простыни, не шевелясь. Потом перевернулся и, заметив, что тьма не абсолютна, огляделся: окна нет, ширма полностью скрывает спальное место, оставляя узкую щелку под изогнутым верхом, которую, казалось, можно было открыть и закрыть по желанию.

Какое-то время Хейз лежал неподвижно; в горле у него застряло что-то плотное, с яичным привкусом. Хейз боялся

повернуться — вдруг это нечто в горле пошевелится. Вот бы свет выключить. Хейз, все так же лежа на спине, протянул руку вверх и нащупал кнопку, нажал ее, и спальное место погрузилось во тьму, которая почти сразу рассеялась — от бледного света, проникающего из коридора сквозь узкую щелку. Хейз хотел совсем выключить свет, не ослабить его. В коридоре послышались шаги негра — ровные, уверенные; он прошел мимо, задевая зеленые ширмы, и вот поступь его стихла. Когда Хейз уже почти уснул, ему показалось, будто он вновь слышит ее, — проводник прошел мимо, задев ширму, не останавливаясь.

В полудреме купе казалось Хейзу гробом. Впервые он видел гроб на похоронах деда: ящик оставили в доме на ночь, подперев крышку хворостиной. Маленький Хейз смотрел на мертвеца и думал: уж его-то в гробу не заколотят. Когда деда станут накрывать крышкой, он выставит в щель локоть. Дед служил приходским священником и человеком был язвительным; он побывал в трех округах, неся засевшее в мозгу пчелиным жалом Слово Христа. Когда пришло-таки время погребения, старика в гробу накрыли крышкой и опустили в могилу, а он и не шевельнулся.

У Хейза было два маленьких брата: самый младший умер вскоре после рождения, и его похоронили в маленьком ящичке; среднего в семилетнем возрасте задавила машина, и гроб ему справили в половину обычной меры. Когда закрывали крышку, Хейз подбежал и вновь открыл ее. Народ шептался, дескать, у маленького Хейза разбито сердце, ему больно прощаться с братишкой, однако на деле Хейз представил, будто в гробу лежит он сам.

Потом Хейзу приснились похороны отца. Старик встал в гробу на четвереньках и прокричал:

— Пока мой ящик не коснулся земли, никто меня в нем не закроет!

Гроб принесли на кладбище, сбросили в могилу, и отец лег в нем, как и полагается покойнику.

Поезд дернулся, и Хейз пробудился. Спросонья он подумал, что в ту пору в Истроде, наверное, жило человек двадцать пять, из которых трое — Моутсы. Теперь в Истроде ни Моутсов, ни Эшфилдов, ни Блейзенгеймов, ни Фейзов, ни Джексонов… ни Паррумов. Черномазых и то не осталось. По дороге Хейз видел потемневший заколоченный магазин, покосившийся сарай и маленький домик, съехавший с фундамента, без крыльца и пола в гостиной.

Когда Хейз покидал родные пенаты, все было иначе и в Истроде оставалось еще десять человек, хотя Хейз и не заметил, как число жителей сократилось со времен его отца. Хейз покинул дом в восемнадцать лет — армия призвала его в свои ряды. Сначала парень думал прострелить себе ногу, остаться дома и сделаться священником, как дед. Священник вполне может быть и хромым, его сила — в голосе, языке и руках. Дед на автомобиле «форд» успел объехать три округа. Каждую четвертую субботу он садился в машину и гнал в Истрод спасать тамошних людей от геенны огненной; приехав на место и еще не успев покинуть машины, начинал громогласную проповедь. Люди толпились у «форда», словно бы дед того и ждал. Затем он забирался на капот машины; продолжая проповедь, по временам вскарабкивался на самую крышу и вещал уже оттуда.

«Вы, люди, словно камни, — кричал дед. — Но Иисус спас всех. Его душа на земле была столь одинока, что Он умер — за всех отдал жизнь, отдал, спасая души людей! Понятно ли? За каждую окаменевшую душу Иисус умер миллионом смертей, Его распинали, пригвождая к кресту,

по миллиону раз за каждую душу! — В этот момент старик указывал на Хейза, к которому питал особое отвращение, поскольку мальчик вышел точная копия деда, и дед видел в том издевательство. — Понятно ли, что и за этого мелкого, глупого грешника, стоящего тут и сжимающего грязные кулачишки, Иисус умрет десять миллионов раз и лишь потом дозволит потерять душу? Спаситель будет гнаться за мальчиком по глади моря грехов. Ясно ли, что Христос ходит по глади моря грехов, аки посуху? Мальчик спасен, и Христос не оставит его во веки вечные. Не позволит забыть о Спасении. Ибо что, по разумению грешника, ждет человека в конце? А ждет человека Иисус!»

Мальчик не хотел слушать дедовых проповедей. Глубоко в его душе созрела темная бессловесная убежденность: уйти от Спасителя можно, избавившись от греха. В свои двенадцать лет Хейз уже знал, что станет проповедником. Позднее Иисус явился ему в отдаленном уголке воображения: Спаситель, эта страшная, оборванная фигура, переходил от дерева к дереву, маня Хейза за собою во тьму, где не видно, что под ногами. Он вполне мог заманить Хейза на водную гладь, и Хейз, не ведая глубины, ступил бы на нее и утонул.

Ему хотелось остаться в Истроде, где глаза смотрят ясно, в руках — привычный инструмент, под ногами — знакомая почва и с языка не слетает лишнего слова. Когда же армия призвала Хейза, тот решил: это уловка, дабы ввести его во искушение. И он бы прострелил себе ногу, если бы не верил твердо в силу души, в то, что вернется, отслужив положенный срок, непорочным. От деда Хейзу досталось не только лицо, но и крепкая вера в способность противостоять злу. Если бы правительство задержало Хейза в армии дольше, чем на четыре месяца, он так и так оставил бы

службу. Четыре месяца, не больше — столько в восемнадцать лет Хейз и думал отдать стране, однако отдал четыре года жизни. Ни разу не приехав домой.

На службу он прихватил с собой Библию в черном кожаном переплете и материнские очки в серебряной оправе. Хейз ходил в сельскую школу, где научился писать и читать, а заодно тому, что учение для него бесполезно. За всю жизнь он прочел одну лишь Библию. Взрослый Хейз к Писанию обращался нечасто и надевал очки, которые чересчур утомляли глаза, и прекращать чтение приходилось довольно скоро.

Любому, кто предложил бы осквернить себя, Хейз намеревался ответить, дескать, он родом из Истрода, что в Теннесси, куда и намерен позже вернуться, дабы нести Слово Господне людям; дескать, ни правительству, ни любой другой стране, куда бы ни определила Хейза военная служба, не соблазнить его на грехопадение.

Проведя несколько недель в военном лагере в компании друзей — не друзей, конечно, в привычном понимании этого слова, но сослуживцев, — Хейз наконец дождался заветного момента приглашения. Достав из кармана очки и нацепив их на нос, он ответил: ни за миллион долларов, ни за пуховую перину он не пойдет никуда; он родом из Истрода, что в Теннесси, и его душу не осквернить ни правительству, ни любой другой стране, куда бы… Однако голос юноши дрогнул, и речь осталась незавершенной. Хейз, пытаясь крепиться, смотрел на товарищей, и те заявили: никому его чертова душонка не нужна, разве только священнику. На это Хейз выдавил из себя: ни один священник, ни даже папа римский не соблазнят его, Хейза, на грех. Сослуживцы сказали, мол, нет у человека никакой души, и скопом отправились в бордель.

Хейз долго пытался поверить им и наконец поверил, потому как верить хотел. Хотел поверить и тем избавиться от души. Он углядел замечательную возможность избавиться от нее без грехопадения, обратившись ко злу. Армия отослала Хейза за полмира от дома и позабыла его. Парня ранили, и армия вновь вспомнила о нем — лишь для того, чтобы выковырять из груди шрапнель. Врачи якобы извлекли все осколки, однако ни одного не показали. И потому Хейз считал, будто в груди у него еще оставался металл — ржавея и отравляя кровь.

Затем Хейза отправили в другую пустыню и вновь наглухо позабыли о нем. У Хейза появилось достаточно времени, дабы заглянуть в глубь себя и убедиться: души у него нет. Когда убеждение окрепло, Хейз понял: в груди жжет от давно знакомого чувства — тоски по дому. И Иисус тут совсем ни при чем.

Когда же армия отпустила Хейза, он тешил себя мыслью, что остался непорочен. Единственное, чего ему хотелось, — вернуться домой, в Истрод. Библия в черном кожаном переплете и очки лежали в целости и сохранности на дне вещмешка. Ни одной книги Хейз так и не прочел, и Библию хранил как память о доме. Очки же таскал при себе — на случай если зрение все же ослабнет.

Два дня назад, отслужив, Хейз оказался в городе за три сотни миль к северу от желанного места и прямиком отправился в билетную кассу железнодорожного вокзала. Там купил билет до Мелси, ближайшей от Истрода станции. Ждать оставалось еще четыре часа, и Хейз заглянул в галантерею. Лавка была узкая, в ней пахло картоном, и чем дальше Хейз проходил, тем глубже становился царивший в магазинчике сумрак. Купив синий костюм и черную шляпу, Хейз попросил упаковать армейскую форму в бумажный

пакет, который выбросил в мусорку на углу. На улице он заметил, что костюм ярко-синий, а контуры шляпы как будто стали жестче.

В пять вечера Хейз прибыл в Мелси, где сел на попутный грузовик, везущий хлопковые семена. С ним преодолел половину расстояния до Истрода. Вторую половину пути Хейз шел пешком и домой добрался к девяти, когда только-только стемнело.

Родной дом стоял черен, как сама ночь, открытый для нее; покосившийся забор и сорняки, проросшие сквозь доски веранды, Хейз приметил тотчас же, но то, что от дома остался один лишь костяк, выеденная скорлупа, осознал не сразу. Свернув в трубочку конверт и подпалив его от спички, Хейз вошел внутрь и побрел по пустым комнатам. Когда первый конверт догорел, Хейз запалил другой и вновь отправился бродить по пустому строению. В ту ночь он спал на полу кухни; от потолка отвалилась доска и упала Хейзу прямо на голову, оцарапав лицо.

В доме ничего не осталось, кроме платяного шкафа. Мать всегда спала на кухне, и потому шкаф из орехового дерева перетащили туда же. Миссис Моутс заплатила за него тридцать долларов и больше не позволяла себе крупных покупок. Кроме мотка шпагата в верхнем ящике, Хейз не нашел ничего. Странно, что никто не пришел и не украл такой шкаф. Примотав его ножки к половицам, Хейз оставил в каждом ящике по записке: «Это шкап Хейзела Моутса. Кто украдет — того догоню и убью».

Засыпая, он думал, что матери спокойнее в могиле теперь, когда шкаф охраняется. Пусть приходит как-нибудь ночью и посмотрит. А вдруг-таки придет? Со встревоженным лицом, которое Хейз видел в щелочку под крышкой гроба. Хейзу тогда было шестнадцать лет. Когда гроб

накрывали крышкой, на лицо матери упала тень, и уголки губ словно оттянуло вниз — покойнице как будто не понравилась смерть. Казалось, она вот-вот выпрыгнет из гроба, откинув крышку, и полетит искать радости… но гроб заколотили.

У матери вполне могло возникнуть желание выпрыгнуть из него, улететь. Хейз видел ее во сне — страшную, похожую на гигантскую летучую мышь, как она вырывается из гроба, летит, но ее настигает и прихлопывает тьма. Хейз видел изнутри, как темнота сгущается, отрезая путь в гроб свету, а проснувшись, понял: щель, сквозь которую льется из коридора бледный свет, закрывается. Он подскочил и просунул в нее голову и плечи. Повиснув на ширме, заметил в дальнем конце вагона проводника — тот белым пятном застыл в темноте коридора и смотрел на Хейза.

— Я болен, — позвал Хейз. — Меня нельзя запирать в этой штуковине. Выпустите.

Проводник не пошевелился.

— Господи, — произнес Хейз. — Иисусе.

По-прежнему не двигаясь с места, проводник с мрачным торжеством в голосе ответил:

— Иисуса давно уже нет.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru